

УДК 811.111'36

В.И. Молодых¹

Т.И. Леонтьева²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Владивосток. Россия

Трансформация женского образа в современной китайской художественной литературе

В настоящее время назрела и требует решения проблема анализа трансформации гендерных стереотипов в китайском обществе, представляющих систему традиционных, уходящих корнями в конфуцианскую мораль и в современные послереформенные экономические преобразования. В условиях глобализации мирового развития традиционные семейные ценности постепенно утрачивают свою прежнюю значимость, размываются четкие границы дихотомии «фемининность» – «маскулинность». Изменяются гендерные ценности, нарастает диспропорция между количественным составом женщин и мужчин, увеличивается брачный возраст, множится число разводов и одиноких людей, что ведет к дальнейшим изменениям в динамике гендерных стереотипов в китайской лингвокультуре. В качестве гипотезы выдвигается положение о том, что динамические процессы в современном китайском языке, детерминированные трансформациями гендерных стереотипов, обусловлены определенными общественно-политическими и социокультурными причинами. Практическая ценность статьи состоит в том, что, несмотря на наличие определенного количества исследований, посвященных анализу концептов «мужчина» и «женщина» в китайской языковой культуре, работ, связанных с системным описанием этого фрагмента концептосферы на материале китайских источников, до сих пор практически нет. Теоретическая значимость исследования связана с многоаспектностью исследования, с необходимостью осмысления исторически изменяющегося концепта «китайская женщина», с описанием его структуры и способов репрезентации в идеографической, лексико-фразеологической системах и в художественном дискурсе.

Ключевые слова и словосочетания: вестернизация, лингвокультура, гендерные стереотипы, дискурсивная языковая личность, фемининность, маскулинность.

---

¹ Молодых Валерий Иосифович – канд. филол. наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения, e-mail: molodvaleri@mail.ru

² Леонтьева Тамара Ивановна – канд. пед. наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения, e-mail: tamara.leonteva@vvsu.ru

V.I. Molodykh

T.I. Leontyeva

Vladivostok State University of Economics and Service
Russia. Vladivostok

On the transformation of gender stereotypes in Chinese linguistic culture (concept «woman»)

The issue of gender stereotypes in Chinese society within linguocultural research presents a contrast between traditional Confucian stereotypes and modern post-reform economic reorganizational ones. Within the context of world globalization, traditional family values are gradually losing their former significance and the boundaries between “femininity” and “masculinity” are becoming indistinct. Gender expectations are changing, disproportion between the number of men and women is growing in favor of women, the quantity of divorces is increasing, and as a result, the amount of lonely people is enlarged. The authors hypothesize that gender stereotypes are caused by social and political, as well as sociocultural reasons. From a theoretical perspective, the research is connected with the need of multiple-aspect study and comprehension of historically changing concept “Chinese woman”, with the description of its structure and representation in hieroglyphic, lexical-phraseological systems, and in an artistic discourse. The practical value of the work is in the novelty of the theme and in making contribution into a systemic description of gender-marked linguistic units that are extremely important for studying general humanities and linguistic disciplines.

Keywords: Western influence, linguoculture, gender stereotypes, discursive language personality, femininity, masculinity.

Введение. Человек на протяжении всей своей жизни предстает в двух ипостасях – мужчина или женщина. Оппозиция «мужской-женский» – фундаментальная для человеческой культуры. Этому есть главное бесспорное основание. В классической культуре и философии Запада и Востока женщина противопоставляется мужчине по следующим ценностным жизненным признакам: женщина – хранительница генофонда, способная воспроизводить жизнь, продолжать род и традиционные ценности. Мужчина – хранитель домашнего очага, кормилец, защитник Отечества. Однако картина в этой области постепенно меняется. Женщины современного информационного общества все более активны в политической, экономической и духовной жизни, и это приносит определенные позитивные результаты. Активное участие женщин в экономике и политике своих стран вызывает у них стремление достичь успехов за счет репрезентации маскулинных качеств и соблюдения мужских правил поведения.

Проблемы «гендера» под различными наименованиями – маскулинность, фемининность и др. – изучались в Европе на протяжении многих веков в философии, психологии, социологии. Еще в философии Аристотеля, Жан-Жака Руссо, Зигмунда Фрейда были заложены идеи, оказавшие огромное влияние на развитие гендерного направления лингвистики на Западе.

В книге «Моя страна и мой народ» известный современный китайский мыслитель и писатель Линь Юйтан впервые провел системно – сопоставительный анализ китайской и европейской цивилизаций. Сразу же после выхода в свет и перевода на многие языки мира книга получила широкое признание благодаря глубокому и ценному исследованию особенностей духовной культуры и менталитета китайцев. Не обошел стороной автор в своей книге и ценных замечаний относительно «женственности» китайского характера: «Действительно, менталитет китайца во многих отношениях женственный, и слово «женственность» наилучшим образом суммирует его качества [6, с. 87].

Цель исследования состоит в выявлении современных тенденций в трансформации гендерных стереотипов в китайской концептосфере на примере концепта «женщина».

Материал и методы исследования. Материалом исследования послужили китайские лексикографические источники разного типа (толковые, этимологические, иероглифические словари), современные китайские художественные тексты. В качестве методов исследования использованы историко-этимологический и концептуальный анализ.

Актуальность исследования состоит в необходимости системного описания гендерно-маркированных языковых единиц столь важных для изучения общегуманитарных и лингвистических дисциплин.

Результаты исследования и их обсуждение. В своем труде Линь Юйтан выделяет несколько этапов в развитии представления о гендерной оппозиции – «мужской-женский», которые можно условно, несколько упрощенно представить в качестве эволюции гендерных представлений в истории духовной жизни китайцев. Несмотря на высокий интерес к гендерной проблематике в лингвистике, социологии, культурологии, этнопсихологии как в России, так и в самом Китае, до настоящего времени отсутствует системный подход к анализу гендерных стереотипов. В данной статье предпринята попытка такого анализа на примере концепта «женщина».

Гендерные стереотипы, как известно, представляют собой исторически устойчивые и культурно-детерминированные представления о мужчинах и женщинах, об особенностях их характеров, о нормах поведения представителей обоих полов в обществе. При этом важно учитывать, что стереотип – это не только культурно-детерминированный знак, но и его вербальная составляющая, находящая отражение на всех уровнях и срезах национального языка [1, с. 18].

В китайской народной памяти с разной степенью устойчивости откладываются, запечатлеваются, фиксируются как исторически ушедшие стереотипные образы мужчин и женщин, так и совсем новые. Так, например, судя по знакам письменного варианта китайского языка, китайский мужчина традиционно воспринимался как человек, наделенный физической силой и способный выполнять тяжелый, сельскохозяйственный физический труд. Иероглиф 男 (мужчина) и в древнем, и в современном начертании состоит из символов – 田(поле) и 力(сила) и несет в себе этот исторический отпечаток. Иероглиф 女 (женщина), хотя и не так символично, как первый (男), но достаточно изобразительно передает образ

вечно сгорбленного, уставшего от тяжелого труда человека (в древнем стиле письма).

Гендерная асимметрия ярко проявляется на разных уровнях китайского языка: в этикете речевого поведения, выборе личных имен, письменном и устном вариантах языка и др. В китайском языке порядок слов и основных элементов выполняет не только важную грамматическую и смысловую, но и культурно-знаковую роль. В составе многочисленных слов, словосочетаний, идиом и фразеологических образований иероглиф 男 (мужчина) всегда предшествует иероглифу 女 (женщина), 男女 (мужчины и женщины), 夫妻 (супруги = муж и жена), 子女 (дети = сын и дочь), 父母 (родители = отец и мать), 我爸爸和妈妈 (мои родители = папа и мама), 男女老少 (мужчины и женщины, стар и млад), 男女衣著 (мужская и женская одежда), 男女别途 (мужчина и женщина – две большие разницы), 男尊女卑 (превосходство мужчины над женщиной), 男唱女随 (мужчина поет, а женщина ему подпекает). Тем не менее, в последние годы обращение «Уважаемые дамы и господа» по китайским языковым правилам звучит совсем по-европейски – 尊敬的女士们和先生们 (в позиции слова «дамы» на первом месте).

Гендерные стереотипы можно представить в виде системы особых дескрипторов, формирующих ядро и периферию семантического поля гендера, отраженного как в общественном сознании людей, так и в групповом языковом мышлении. Говоря о едином механизме формирования стереотипов в общественном сознании и языковом мышлении и неразрывной их связи, Э. Сепир в свое время справедливо отмечал, что «язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собой переплетены, они в некоторой степени составляют одно и то же... Внутреннее содержание всех языков одно и то же – интуитивное знание опыта. Только внешняя их форма разнообразна до бесконечности» [10, с. 193].

В эпоху первобытного общества в сознании китайцев женщина занимала противоречивое положение. С одной стороны, первобытная матриархальная социальная система, основанная на понимании, что: «китайские женщины в целом созданы из более добротного человеческого материала, чем мужчины» постепенно рушилась из-за введения ряда строгих ограничений в отношении женщин. С другой стороны, начиная со времен Конфуция, образ женщины ассоциировался с портретом зависимой, всецело подчиненной своему отцу, своему мужу дочери, жены и недостойной с ними одинакового социального положения. Женщинам предписывалось следовать «основным конфуцианским добродетелям»: послушанию, чистоте, доброжелательности, бережливости, скромности и усердию. Уже в ранних народных песнях, собранных в классическом литературном памятнике «Шицзин» (11–6 вв. до н.э.), легко обнаруживается тому яркое свидетельство: «Когда родился мальчик, его положили на кровать и дали поиграть нефритом. Когда родилась девочка, ее положили на пол и дали поиграть черепицей» [6, с. 134].

Конфуцианские социально-философские мотивы на уровне гендерных стереотипов до сих пор сохраняются в сознании носителей китайской лингвокультуры. Гендерная асимметрия ярко проявляется на разных уровнях китайского языка – в лексической и фразеологической системе, в этикете речевого поведе-

ния мужчин и женщин, в выборе личных имен для детей разного пола и др. Традиционная формула подчиненности женщины мужчине выражалась в чэньюях типа: 三从四德 – (добродетельность, скромность в речи, женственность; трудолюбие и трюйственная покорность (женщины: в юности – отцу, в замужестве – мужу, в старости – сыну). 夫为妻纲 (fūwéiqīgāng) – муж руководит женой.

В китайской женской речи сохраняется устойчивая тенденция использования форм вежливости и эвфемистических элементов. Нередко в разговоре на актуальные для женщин темы – внешность, возраст, семья, мода и др. – женщины вместо прямых номинаций склонны прибегать к наиболее смягченным, вежливым эвфемизмам. При обсуждении такой деликатной темы, как чрезмерная полнота и ее влияние на карьеру и успех, женщины прибегают к употреблению эвфемизмов. Так, например, слово 胖 (полная, толстая) заменяется различными словообразовательными конструкциями и выражениями, типа 发福 (раздобреть), 富态 («имеющая состояние»), 体态丰满, 丰满身材 (полная фигура). При описании стареющей внешности, цвета лица, кожи, прически, одежды и др. также используются не прямые, а переносные образные языковые средства: например, вместо слова прыщи используется выражение: 小豆豆 (маленькие бобы).

Социальное равенство уже давно стало одним из главных критериев любого демократического государства. Принцип равенства мужчин и женщин закреплен в Конституции КНР, а также в других важнейших законодательных актах. Они не содержат дискриминационных по признаку пола правовых норм. Но такое равенство полов было достигнуто в результате многовековой тяжелой борьбы китайских женщин за свои права. Следует помнить, что современное китайское общество вышло из недр полуфеодального и полуколониального государства, поэтому сохранившиеся с тех пор гендерные исторические пережитки нельзя недооценивать.

Гендерные стереотипы характеризуются как исторической устойчивостью, так и определенной изменчивостью, и динамикой, которые в разных лингвокультурах могут не совпадать. Каждый исторический этап формирует свои гендерные стереотипы женственности и мужественности под влиянием новых политических и экономических условий, нейтрализуя одни признаки и выдвигая на первое место другие [2, с. 40].

Гендерная тематика и по сей день продолжает волновать умы писателей и кинематографистов, которые стараются по-своему отразить черты маскулинности и фемининности в характерах героев своих произведений. Китайский кинематограф последних двух десятилетий пытается по-своему отобразить новые тенденции в концептосфере гендерных стереотипов в сознании современных китайцев, сведя их к гендерной трансгрессии (переносу половых ролей и поведения). Женские персонажи, как правило, максимально наделяются мужскими характеристиками. В статье молодого китайского исследователя Сюй Юйцзе вполне обоснованно поднимается вопрос о том, каким образом представление о современной китайской женщине изменяется в кинематографе в последние годы на фоне новых исторических реалий. Автор пишет: «Если обратиться к традици-

онному образу китайской женщины в кинематографе, то можно заметить, что практически до начала XXI в. женские персонажи были убраны на второй план. Задачей женщины был брак и забота о детях. Она была музой главного героя, но музой всегда находящейся позади мужчины. Более того, достаточно часто женский персонаж выступал объектом сексуального желания, но никак не субъектом. Любой выход персонажа за рамки дозволенного, проникновение на мужскую территорию могли повлечь за собой разрушение и смерть, как для самой героини, так и для всех, кто ее окружает» [11, с. 363–367].

Много фильмов в Китае было посвящено женским героиням конфуцианского толка – заботливая, любящая мать; идеальная жена; прекрасная хозяйка. Не без влияния новых рыночных отношений в экономических преобразованиях в стране, а также активного влияния американского кинематографа китайские женские героини кинолент 秦良玉 («Цинь Ляньюй»), 东邪西毒 («Прах времен»), 七剑 («Семь мечей») и др. предстают в образах воительниц, лишенных многих женских традиционных характеристик. Трансформацию знаменитых исторических женских образов можно ясно наблюдать и в фильме 花木兰 («Хуа Мулань»). Хуа Мулань (花木兰) – героиня многочисленных китайских легенд, поэм, баллад. В тяжелые судьбоносные годы для страны она переделалась в мужскую одежду и пошла на войну, несмотря на то, что в армию брали в то время лишь мужчин. Но в отличие от многих своих друзей, которые пошли воевать для того, чтобы получить награды и продвижение по службе, она отправилась защищать Родину лишь ради своего старого отца. Этим самым она хотела проявить заботу о своих родителях и младшем брате, по достоинству исполнив свой конфуцианский долг. Хотя эта поэма была написана в VI веке и первоначальная ее версия не сохранилась до наших дней, тем не менее, спустя полторы тысячи лет китайцы из поколения в поколение передают её своим детям.

Как справедливо отмечает Сюй Юйцзе, новая версия фильма явилась своего рода своеобразным историческим диссонансом, так как согласно законам того времени смена одежды являлась проступком и подлежала наказанию в виде смертной казни. Вместо этого, по версии создателей фильма, ее не только не наказывают, а поощряют, предложив ей высокую чиновничью должность, что переводит ее в разряд «государственных мужей». В дополнение к сказанному – другой исторически знаменитый женский персонаж Ван Чжаоцзюнь, положенный в основу сюжета одноименного фронтального фильма, в котором еще более ярко выражена маскулинность женской героини. Будучи наложницей императора Юань-ди, она была отправлена к правителю народа сюнну. Благодаря восточной красоте, редкому уму и военной прозорливости ей удалось примирить два враждующих народа – хань и сюнну. Впоследствии ханьцы закрепили за ней прозвище «успокоительница варваров» [11, с. 365].

Таким образом, наблюдается конфликт между феминностью и маскулинностью даже в пределах одного пола, в данном случае женского. Однако различия между ними состоят в национальных культурных особенностях и в частоте их пересечения.

Линь Юйтан ещё в первой половине XX века писал о влиянии Запада на культуру и идеологию Китая. Китайская проза обогатилась новой образностью благодаря западной и латиноамериканской литературе. Автор выделяет тот факт, что Китай «много прибавил в литературе и научной мысли, что целиком следует отнести на счет влияния Запада» [6, с. 257]. Более того, Линь Юйтан признает, что «на Западе более развитое общественное сознание, более цивилизованное поведение людей в обществе» [Там же, с. 258]. Автор обращает внимание на увеличение объема лексики, что было связано с появлением новых понятий, на изменение стиля, на новые литературные формы. Все эти новшества позитивны, писатель приветствует «новые, содержательные и свободные литературные понятия, приведшие к гармонии литературу и жизнь, сделавшие наше мышление более точным, а жизнь более открытой» [Там же]. Вместе с тем не следует забывать, что в первой половине XX века под влиянием русской литературы в истории китайской литературы появились новые темы, навеянные произведениями Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, И.С. Тургенева, Ф. Сологуба и др.

В наши дни в китайской литературе появляются произведения, отражающие глубоко личные переживания лирического героя, что, несомненно, является положительным качеством современного литературного творчества. В то же время прозаические черты набирают силу и сказываются на описании взаимоотношений между мужчиной и женщиной, неожиданных для китайского менталитета. Прежде всего, следует обратить внимание на творчество китайских писателей молодого и среднего возраста (конца XX и начала XXI века). Создавая в своих повестях и рассказах бытовой повседневный дискурс, авторы отображают существующую в наши дни лингвокультуру, в которой детерминируется современная коммуникация. Согласно В.И. Карасику, в коммуникативной ситуации «есть участники, действующие в конкретных обстоятельствах в соответствии с нормами лингвокультуры» [4, с. 125]. Рассуждая о дискурсе, важно отметить дискурсивную личность в рамках «бытийного общения»: успешного деятеля, уверенной в себе студентки, уязвленной возлюбленной, неверного мужа, ветреной подруги и т.д. Как подчёркивает В.И. Карасик, при характеристике дискурсивной личности «следует принимать во внимание индивидуальные характеристики субъекта, а также его статусные признаки – гендер, возраст, образовательный статус, принадлежность определённой этнокультурной среде и эпохе. Человек многомерен. Но одним из его измерений является дискурсивная специфика личности» [Там же, с. 128].

Как указывалось, в китайской лингвокультуре мы можем наблюдать отражение некоторых изменений в традиционном статусе китайских женщин под влиянием новых исторических условий в самом Китае, а также под влиянием американской и европейской культур. Главное изменение касается растущей маскулинности женщины и постепенной потери таковой у мужчин.

В последнее время всё чаще в китайских СМИ и социальных сетях появляется информация о случаях жестокого обращения молодых девиц со своими безвольными ухажерами. Так, совсем недавно, 20 февраля 2019 года в День влюбленных в КНР «жительница одного из городов провинции Сычуань прилюдно

избила своего бойфренда за то, что тот не исполнил ее единственную просьбу. Китайка пришла в ярость и била бойфренда на глазах у изумленной публики до тех пор, пока ее не задержала полиция. Происходящее очевидцы снимали на камеру мобильного телефона. В совокупности мужчина получил от разъяренной девушки 52 пощечины! В полицейском участке молодой человек повел себя как настоящий джентльмен! Он вступился за свою возлюбленную и попросил стражей закона не обвинять девушку в нападении и хулиганстве. По словам молодого человека, он сам разрешил любимой выместить свой гнев с помощью рукоприкладства. Полицейские провели с парой профилактическую беседу, после чего отпустили задержанных домой» [8].

В условиях современного общества активно растет тенденция, в рамках которой происходит унификация маскулинных и фемининных ценностей и ослабление влияния традиционных гендерных стереотипов, а, следовательно, изменяются и стандарты поведения представительниц женского пола.

Понимание сути этой тенденции и движения ее в направлении андрогинии, т.е. поведения, при котором человек проявляет одновременно и женские, и мужские качества, приходит с прочтением повести современной китайской писательницы Пань Сяопин «Юноша» (潘小平。《少男》)。В повести преобладают женские образы, все женщины так или иначе связаны с юношей Сяо Цзю, приехавшим из деревни в провинциальный городок и работающим в салоне традиционного китайского массажа *туйна*. Дела у него шли хорошо, но ему было не по себе, когда обожавшие его тётюшка Сяо Тао и сестрица Цайцай, уподобляясь мужчинам, несдержанно себя вели по отношению к нему. Более того, они не церемонились в высказываниях двусмысленного толка, чем вгоняли юношу в краску.

Методология анализа конкретных высказываний состоит в признании непреложной истины: «Выраженная в языке и через язык личность представляет собой языковую личность – *homo loquens*» [9, с. 284]. Следуя школе Ю.Н. Караулова, мы выделяем три уровня в структуре языковой личности:

- 1) вербально-семантический,
- 2) лингвокогнитивный уровень (тезаурус),
- 3) мотивационный уровень (прагматический) [5; цит. по: 9, с. 285-286].

Гипотеза данной части исследования состоит в доказательстве того, что женщина в Китае завоёвывает передовые позиции, и современные писатели наделяют её маскулинным характером, отражающимся, прежде всего, в решительном тоне её речи. Так, в первом же требовательном высказывании тётюшки Сяо Тао, обращённом к Сяо Цзю:

– 快点 玖! 我今天没有时间!

– *Быстрее давай, Цзю! У меня сегодня нет времени!* [13, с. 12] звучит нетерпение и крайнее неудовольствие медлительностью юноши, хотя он и всё делает очень верно. На вербально-семантическом уровне это стандартные слова и выражения, характеризующиеся единой ассоциативной сетью «раздражение». Речевой запас дамы довольно ограниченный, он выдаёт её недалёкость, малообразованность, нетерпимость к любому для неё действию, выполненному не по ее воле. Мотивационный (прагматический) уровень тётюшки Сяо Тао: извлечение

выгоды через грубое поведение по отношению к деликатному юноше, и это несмотря на то, что она будет добиваться его любви на протяжении всего рассказа. Её жизненный девиз звучит всего лишь через несколько страниц:

– 多少男人在外养情妇 难道我们女人不可以有情夫吗?

– *Сколько мужиков на стороне заводят любовницу, а нам, женщинам, нельзя что ли?* [13, с. 18]. Для создания художественно обобщённого определенного образа действительности автор целенаправленно отбирает особые стилистические средства. Так, например, экспрессивные восклицательные предложения, использование сниженных речевых выражений типа **男人 是不是** «мужик», «что ли», риторический вопрос, содержащий вполне ожидаемый ответ.

Ещё один женский образ достоин внимания, поскольку он также помогает доказательству гипотезы. Это молодая девушка Цайцай, которая совершенно не признаёт мужского приоритета, ей ничего не стоит крикнуть помощнику массажиста, тоже молодому человеку:

– 闭嘴! 金玉其外败絮其中, 歪瓜裂枣。还好意思议论别人!

– *Рот закрой! Красивая внешность от природы, сам-то как кривой финик, а ещё хватает наглости других обсуждать!* [13, с. 20]. На вербально-семантическом уровне лексика героини отличается вульгарностью, структура предложений императивна («Рот закрой!») и довольно безапелляционна. Обращение к мужчине носит уничижительный характер («сам-то как кривой финик»), что становится особенно унижительным для него из-за контраста (стилистического приёма). Эмоциональная доминанта данного высказывания – явная агрессия, как будто столетия унижений женщины выплеснулись в эту секунду, и вновь восклицательные конструкции передают вечную готовность женщины к отпору любой, даже самой невинной слабости мужчин. Вербально-семантический, лингвокультурологический и стилистический анализы высказываний женских героинь на протяжении всего рассказа, т.е. целостного дискурса позволяют реконструировать мировоззрение языковой личности [9, с. 287].

Интересно отметить тот факт, что мужчины иногда осмеливаются противостоять наглому поведению женщин, и тогда проблема когнитивного диссонанса возникает с новой силой. Так, в повести Сунь Чжибао «Нежный нож» главный герой Линьцзы, чемпион игры в шашки го, добился прекрасной девушки, поверил в её ответную любовь и никак не думал, что **会被戴绿帽子** «наденет 'зелёную шапку' рогоносца» [14, с. 268]. Он позвонил своей любимой, предложил увидеться и спросил, почему она активно встречается с другими молодыми людьми, а его избегает.

刚开始岸气因他偷跟着己后来嘲笑骂道

– 交朋友是明目张胆方式

– 那还稀?

– 上床是想下一个没睡抱欠会大睡睡?

– 厚颜耻

– 这叫傲

– 16岁是娃娃说出真心话

– 向着由响是是个的利和务

最地林哭了

– 你有什么和我林?如果是这种,我还是可以接受的,但是天居会抽的,你真心对我好吗?一个没有谁会愿意和你,你除了放,有什么我是赌一下,这自和翻的,除此之外,我没有别的办法。此刻林明白,这床的梦,是一个扁男追女会,情,女追男会,自力,这个世界,糟了!林大怒,摔倒在地板上。

«Сначала она разозлилась из-за того, что он следил за ней без её ведома, а потом глубокомысленно рассмеялась:

– Завести друзей – это лучший способ узнать, чего ты стоишь.

– А постель?

– А постель – тем более! Ты можешь себе представить, чтоб непривлекательный человек свёл кого-то с ума?

– Это бесстыдство.

– Это называется гордость.

– В шестнадцать лет уже шлюха... От твоих слов тошнит.

– Стремление к свободе и отклик на призыв – это право и обязанность каждого человека.

Под конец она вывела Линьцзы из себя:

– А какое у тебя право, Линьцзы, так со мной обращаться? Если бы не твоё поведение, мы могли бы ещё встречаться. Но после сегодняшнего выступления тебе придётся раскаяться. Ты правда думал, что я выйду за тебя замуж? Человек, у которого нет ни денег, ни положения в обществе, который только и умеет, что играть в шашки, – что чувствуешь, глядя на него, кроме его высокомерия? Мне просто хотелось понять, что это за самомнение и ничем не оправданная заносчивость. Кроме этого, никаких других мыслей в отношении тебя у меня не было.

Только тут Линьцзы понял, что сон, в котором он пребывал несколько дней, – всего лишь обман. Мужчины, чтобы добиться женщины, говорят красивые слова, женщины, чтобы получить мужчину, пускают в ход свои чары. Как же мерзок этот мир, мать его! Линьцзы пришёл в ярость, повалил Тинтин на землю и овладел ею» [14, с. 268].

Языковую личность, по мнению В.И. Карасика, можно определить как обобщённый образ носителя культурно-языковых и коммуникативных установок и коммуникативно-деятельных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций [3, с. 19, цит. по: 9, с. 289]. При характеристике действующих лиц мы воспользовались также методикой анализа текста, разработанной В.П. Новиковой [7]. В приведённом отрывке молодой человек осознаёт всю никчёмность девушки и находит в себе силы и отомстить ей и расстаться с ней навсегда. Эмоциональная атмосфера диалога предельно накалена: в считанные минуты происходит метаморфоза в отношениях: от невинного вопроса страдающего кавалера до изнасилования своей любимой. Эмоциональная доминанта разговора – возмущение молодого человека ветреностью девушки, стилистический приём нарастания достигает высшей точки, когда герой называет её шлюхой. Автор рассказа наделяет героя физическим отвращением к распушенной, падшей бывшей подруге: *你的话很讨厌* «От твоих слов тошнит». Именно в этот момент

девушка переходит к атаке, ведь нападение – лучший вид защиты! Она обрушивает на юношу своё языковое насилие с целью деструктивного воздействия на него. Её агрессия имеет целью осуществить коммуникативное давление на своего адресата, она «становится средством демонстрации власти, могущества, превосходства» [12, с. 145]. Именно издёвкой, граничащей с оскорблением, звучит её вопрос: 你真的认为我会嫁给你吗? «Ты правда думал, что я выйду за тебя замуж?» Энтропия этого вопроса слишком высока: его значение выходит далеко за рамки слов, имплицатура высказывания следующая: «Да никогда в жизни я не вышла бы замуж за человека хоть и талантливого, но безденежного! Я просто играла с тобой, а ты и поверил!» Злость молодого человека вполне понятна: агрессия всегда зиждется на лжи и вероломстве, полной противоположностью им является его видение ситуации, это передает метафора «сон». У этих двоих разные картины мира, так что расставание неизбежно.

Текст отличается богатством стиля автора повести: это и метафора 会被戴绿帽子 («рогоносец»), унижающая достоинство юноши; и аллюзии 骄傲向往自由 («гордость», «стремление к свободе»), высокий пафос которых снижен до пошлости, какая же это свобода или гордость менять партнёров по постели! Это и риторические вопросы 你真的认为我会嫁给你吗? (Ты правда думал, что я выйду за тебя замуж?), и использование обценной лексики 男人 歪瓜裂枣 («мужик», «кривой финик»). Девушка прикрывается высоким стилем 响应号召, 每个人的权利和义务 («отклик на призыв», «право и обязанность каждого человека»), говоря о низменных страстях стандартными квазинаучными словосочетаниями, она пытается скрыть свою грязную совесть. Лингвокогнитивный уровень разговора сводится к узколобости девушки, она ослеплена богатством и влиятельностью отца, и талант её поклонника – ничто рядом с жёлтым дьяволом. На прагматическом уровне раскрывается иерархия низменных смыслов, выявляются мотивы и цели языкового поведения девушки.

Выводы и научная новизна. Данные проведенного исследования на материале лексико-фразеологических источников, кинематографа и художественного дискурса демонстрируют трансформацию в культурно-языковом сознании современных китайцев в сторону нивелирования границ между маскулинностью и фемининностью. Несмотря на устойчивость стереотипов, утверждающих превосходство мужчины над женщиной, динамика развития общественного сознания свидетельствует о переменах и противоречиях, происходящих в представлении образа китайской женщины, которая, с одной стороны, наравне с мужчиной может принимать важные решения 女强人 («железная леди»); обладать общепризнанной женской красотой, привлекательностью 美女 靓女 («красавица»); пользоваться общепризнанным уважением в стране 女王节, 女神节 (Праздник принцесс 8 марта), а с другой – проявлять воинственность, применять обценную лексику, наглость, использовать ложное понимание свободы («стремление к свободе»), ложь и вероломство.

Обобщённый тип женских персонажей художественной литературы в современных произведениях китайской литературы подтверждает высказанную нами гипотезу о стремительно меняющемся статусе женщины в китайском об-

ществе, отражающемся в языковых гендерных стереотипах. В современных текстах изменяется иерархия дескрипторов, формирующих ядро и периферию семантического поля концепта «китайская женщина».

1. Ефремов В.А. Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «мужчина – женщина»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. 41 с.
2. Исхакова З.З. Гендерный эмотивный дейксис: монография. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2014. 197 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Карасик В.И. Языковое проявление личности. М.: Гнозис, 2015. 384 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.
6. Линь Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ / пер. с кит. и предисл. Н.А. Спешнева. М.: Вост. лит., 2010. 335 с.
7. Новикова В.П. Интеллект-карта как эффективный инструмент работы с художественным текстом // Вопросы психолингвистики, 2016. № 4 (30). С. 156-163.
8. Разгневанная китайка прилюдно надавала бойфренду-альфонсу 52 пощечины и стала звездой соцсетей. 2019. URL: <http://www.msn.com/ru-ru/lifestyle/family> (дата обращения 28.05.2019).
9. Сабитова З.К. Лингвокультурология: учебник. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 528 с.
10. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
11. Сюй Юйцзе. Гетеротопные образы фронтальной героини в китайском кинематографе // The caspian region: Politics, Economics, Culture. 2015. № 2 (43). С. 363–367.
12. Щербинина Ю.В. Речевая агрессия. Территория вражды. М.: Форум, 2012. 400 с.
13. Пань Сяопин. Юноша // Двойной зрачок. Китайская проза конца XX – начала XXI века: пер. с кит. яз. / отв. ред. А.А. Родионов; сост. Н.Н. Власова, И.А. Егоров, А.А. Родионов. СПб.: Институт Конфуция в СПбГУ, КАРО, 2015. С. 11–63.
14. Сунь Чжибао. Нежный нож // Двойной зрачок. Китайская проза конца XX – начала XXI века: пер. с кит. яз. / отв. ред. А.А. Родионов; сост. Н.Н. Власова, И.А. Егоров, А.А. Родионов. – СПб.: Институт Конфуция в СПбГУ, КАРО, 2015. С. 233–291.

Транслитерация

1. Efremov V.A. Dinamika russkoj yazykovej kartiny mira: verbalizaciya konceptual'nogo prostranstva «muzhchina – zhenshchina»: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. SPb., 2010. 41 p.
2. Iskhakova Z.Z. Gendernyj emotivnyj dejksis: monografiya. 2-e izd., ster. M.: FLINTA, 2014. 197 p.
3. Karasik V.I. YAzykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.
4. Karasik V.I. YAzykovoje proyavlenie lichnosti. M.: Gnozis, 2015. 384 p.
5. Karaulov YU.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. 7-e izd. M.: Izd-vo LKI, 2007. 264 p.
6. Lin' YUjtan. Kitajcy: moya strana i moj narod / per. s kit. i predisl. N.A. Speshneva. M.: Vost. lit., 2010. 335 p.

7. Novikova V.P. Intellect-karta kak effektivnyj instrument raboty s hudozhestvennym tekstom // *Voprosy psiholingvistiki*, 2016. № 4 (30). P. 156–163.
8. Razgnevannaya kitayanka prilyudno nadavala bojfrendu-al'fonu 52 poshchечiny i stala zvezdoj socsetej. 2019. URL: <http://www.msn.com/ru-ru/lifestyle/family> (data obrashcheniya 28.05.2019).
9. Sabitova Z.K. *Lingvokul'turologiya: uchebnik. 2-e izd., ster.* M.: FLINTA: Nauka, 2015. 528 p.
10. Sepir E. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii.* M.: Progress, 1993. 656 p.
11. Syuj YUjczе. Geterotopnye obrazy frontirnoj geroini v kitajskom kinematografe // *The caspian region: Politics, Economics, Culture.* 2015. – № 2 (43). P. 363–367.
12. SHCHerbinina YU.V. *Rechevaya agressiya. Territoriya vrazhdy.* M.: Forum, 2012. 400 p.
13. Pan' Syaopin. YUnosha // *Dvojnoj zrachok. Kitajskaya proza konca XX – nachala XXI veka: per. s kit. yaz. / otv. red. A.A. Rodionov; sost. N.N. Vlasova, I.A. Egorov, A.A. Rodionov.* SPb.: Institut Konfuciya v SPbGU, KARO, 2015. P. 11–63.
14. Sun' CHzhibao. Nezhnyj nozh // *Dvojnoj zrachok. Kitajskaya proza konca XX – nachala XXI veka: per. s kit. yaz. / otv. red. A.A. Rodionov; sost. N.N. Vlasova, I.A. Egorov, A.A. Rodionov.* – SPb.: Institut Konfuciya v SPbGU, KARO, 2015. P. 233–291.

© В.И. Молодых, 2019

© Т.И. Леонтьева, 2019

Для цитирования: Молодых В.И., Леонтьева Т.И. Трансформация женского образа в современной китайской художественной литературе // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.* 2019. Т. 11, № 3. С. 207–219.

For citation: Molodykh V.I., Leontyeva T.I. Transformation of female image in modern chinese fiction, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2019, Vol. 11, № 3, pp. 207–219.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2019-3/207-219

Дата поступления: 28.06.2019.